ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ФИННО-УГРОВЕДЕНИЯ МАРГУ

FENNO-UGRICA
1

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВ, ЛИТЕРАТУР И ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

Труды Института финно-угроведения

Выпуск V

ЙОШКАР-ОЛА, 2008

УДК 81+82+398
ББК 81.66+83.3(2)
Ф 60

Печатается по решению ученого совета
Института финно-угроведения МарГУ

Рецензенты:
В.Н. Васильев, канд. филол. наук, доцент кафедры марийского языка Института финно-угроведения;
С.С. Сибатрова, канд. филол. наук, зав. отделом языка Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

Редакционная коллегия серии:
И.С. Иванов, канд. филол. наук, проф.;
Е.Н. Мустаев, канд. филол. наук, проф. (науч. редактор);
З.К. Иванова, канд. филол. наук, доцент (составит.);
Л.Е. Шабдарова, канд. филол. наук, доцент

Ф 60 **Fenno-Ugrica 1:** Проблемы языков, литератур и фольклора народов Урало-Поволжья: Труды Института финно-угроведения, вып. 5, посвященный 60-летию д-ра филол. н. проф. Куклина Анатолия Николаевича / Мар. гос. ун-т. Ин-т финно-угроведения. – Йошкар-Ола: МУП «Сельские вести», 2008. – 228 с.: ил.

ISBN 978-5-900405-83-6

Fenno-Ugrica 1 – продолжающееся издание трудов Института финно-угроведения.

Пятый выпуск, включающий в себя статьи и исследования по волжско-финским, пермским и тюркским языкам народов Урало-Поволжья, ономастике, литературоведению и фольклористике, посвящен 60-летию профессора А.Н. Куклина.

Издание адресовано студентам и аспирантам филологических специальностей, учителям языка и литературы, краеведам, специалистам по финно-угроведению и тюркологии, а также всем тем, кто интересуется языками, литературой и устным поэтическим творчеством народов Урало-Поволжья.

УДК 81+82+398
ББК 81.66+83.3(2)

ISBN 978-5-900405-83-6

© Коллектив авторов, 2008
© Институт финно-угроведения, 2008

ми традициями, обрядами, обычаями марийского народа. С детьми старшей группы предлагаем провести следующие праздники: «Цвети, мой Край марийский!», «Новый год», «С праздником 8 марта!», «Цветущее поколение», «До свидания, детский сад»; развлечения на тему: «Рождество», «Масленица», «Пасха», «День марийской письменности», «День марийских богатырей», «День рождения» и другие.

Таким образом, умения и навыки, приобретенные детьми старшей группы на музыкальных занятиях в детском саду, послужат основой для их дальнейшего музыкального развития.

В.К. Кельмаков
Ижевск

РАННИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА В ВУЗОВСКОМ УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

Как известно, памятники письменности являются одним из основных источников изучения истории языка и обогащения выразительных средств на всех уровнях системы его литературной формы.

Правда, использование письменных документов для изучения истории строевых элементов языка зависит от ряда факторов, в том числе не в последнюю очередь от древности самих памятников. Даже самые ранние письменные памятники удмуртского языка – по меткому выражению Д. В. Бубриха [1: 28], собственно «свидетельства наблюдателей» – появились лишь в первой трети XVIII столетия, когда фонетическая система, грамматический строй и основной лексический фонд удмуртского языка, судя по этим же памятникам, уже установились почти в рамках современного употребления, и они (письменные памятники) объективно не могли отразить ни более ранние состояния всех уровней системы удмуртского языка, ни процесса протекания важнейших исторических изменений в нем. Следовательно, роль ранних памятников удмуртской письменности в качестве источника при изучении истории строевых элементов системы по различным объективным причинам (подробнее см.: [4: 78, 138–139]) незначительна. Однако и как второстепенный, дополнительный, источник по субъективным причинам находит применение незначительная их часть, т. е. практически используются лишь те, которые имеются в распоряжении ученых: памятники, составленные в научных целях и опубликованные на рубеже XIX–XX вв.; документы, изданные впервые или переизданные вновь во второй половине XX в.; также те издания, которые по счастливой случайности оказались в личных библиотеках исследователей.

Более перспективным было бы использование ранних письменных документов в качестве первостепенного источника применительно к литературному языку как при изучении истории его становления и функционирования, так и для его обогащения. Правда, полезность этих памятников удмуртского языка и эффективность применения их в вышеуказанных целях в существенной мере зависит от множества факторов, в их числе от: 1) характера письма документа (на латинице/кириллице, в орфографии/транскрипции); 2) объема охватываемого им языкового материала; 3) жанра памятника (способа использования удмуртского материала в нем) и т. д.

2.1. Так, удмуртские памятники письменности на латинице, написанные об удмуртах, но предназначенные «не для удмуртов» [2: 134], а также материалы, составленные/изданные в транскрипционной записи, являются ценнейшим источником для пополнения литературного языка, однако они малопригодны для изучения истории удмуртского письма(графики, орфографии и, возможно, пунктуации), поскольку, во-первых, удмуртская письменность со второй половины XVIII в. пошла по пути принятия кириллической графики, и, во-вторых, орфографические и пунктуационные правила транскрибированных текстов существенно отличаются от правил оформления слов и предложений при орфографической их записи.

2.2. Эффективность/неэффективность письменных памятников при изучении истории литературного языка в зависимости от их объема вполне очевидна: чем пространнее письменный документ, тем больше необходимых сведений можно из него извлечь.

2.3. Зависимость же информативности письменного памятника от его жанра нуждается, по-видимому, в некотором объяснении. Памятники письменности, содержащие лишь словарный материал (словарики; путевые заметки, этнографические описания и др.) или удмуртские лексические реминисценции и иллюстративные примеры (грамматические очерки, научные исследования и др.), предоставляют в распоряжение историка литературного языка значительно меньше сведений о графике, орфографии, фонетике и лексике), нежели связные тексты (оригинальные и переводные книги и др.). Последние дают информацию не только о пунктуации, особенностях морфологии и синтаксиса, но и значительно больше сведений и об орфографии, т. к. слова выступают в текстах в самых различных грамматических формах и синтаксических сочетаниях.

3. Интенсивное использование ранних письменных памятников в многоплановом описательном и историческом исследовании удмуртской филологии еще не начато, хотя очевидно, что их материалы реально расширили бы круг изучаемых проблем, обогатили бы эмпирическую базу и тем самым углубили бы теоретическую разработку почти всех направлений удмуртской филологии: лексикографии и лексикологии, этимологии; оно-

мастики; описательной и исторической диалектологии; описательной и исторической грамматики; истории удмуртского литературного языка; путей становления современной стилистики; истории удмуртского языкознания; истории удмуртской фольклористики; ранних этапов истории удмуртской литературы; зарождения удмуртской журналистики и т. д.

4. Что касается вузовского преподавания удмуртской филологии, то, содержащиеся в ранних рукописных и печатных памятниках, удмуртские материалы оказались бы востребованными в нескольких направлениях.

4.1. Разумное использование раннепечатных и рукописных документов на удмуртском языке создаст благоприятные условия для обогащения эмпирической базы при составлении более совершенных учебников и учебных пособий и тем самым для повышения теоретического уровня преподавания таких дисциплин удмуртоведческого цикла, которые в настоящее время ведутся на факультете удмуртской филологии УдГУ, как-то: «Введение в удмуртскую и финно-угорскую филологию», «История изучения удмуртского языка», «Удмуртская диалектология», «Историческая грамматика удмуртского языка», «Формирование и развитие удмуртского литературного языка», «Стилистика удмуртского языка», «Сравнительная грамматика финно-угорских языков», «Удмуртский фольклор», «История удмуртской литературы» (в особенности начальный ее период) и др.

Разумеется, не все вышеназванные вузовские предметы в одинаковой степени нуждаются в материалах раннеписьменных памятников. Так, если, курс «История возникновения и формирования удмуртского литературного языка» почти полностью строится на письменных памятниках различного времени их создания, также и по предметам «История изучения удмуртского языка» и «Удмуртская диалектология» нередко приходится обращаться к письменным документам, – правда, несколько иного рода, нежели по предшествующей учебной дисциплине, – то в ряде других учебных курсов (напр.: «Современный удмуртский язык», «Сравнительная грамматика финно-угорских языков» и др.) материалы ранних письменных памятников удмуртского языка используются лишь эпизодически и весьма дозированно. Тем не менее уместное обращение к ранним письменным источникам способно украсить любую учебную дисциплину удмуртоведческого цикла, читаемую на факультете.

4.2.1. Памятники письменности XVIII – начала XX в. необходимы как для студентов, так и для аспирантов и докторантов еще в двух отношениях: во-первых, старописьменные материалы способны существенно обогатить источниковую базу при выполнении студентами различных видов самостоятельных работ (рефератов, курсовых и выпускных квалификационных проектов) и при работе аспирантов и докторантов над своими диссертациями и публикациями по ним; во-вторых, материалы этих документов спо-

собствуют углублению и расширению старых и возникновению новых тем, проектов и направлений в научной работе всех категорий исследователей.

4.2.2. На основе ранних письменных документов на удмуртском языке и при частичном использовании их материалов в качестве дополнительных источников при необходимости могут быть созданы новые учебные дисциплины для открытия магистратуры на факультете удмуртской филологии.

5. Однако в настоящее время реальное использование ранних памятников удмуртской письменности в научно-исследовательских и учебно-методических целях наталкивается на трудно– или непреодолимое препятствие – отсутствие абсолютного большинства рукописей и раннепечатных изданий в распоряжении потенциальных потребителей: студентов, аспирантов, преподавателей, ученых и др. Удмуртский государственный университет располагает в настоящее время лишь единицами из этих памятников, дополнительно к этому незначительная часть имеется в Национальной библиотеке Удмуртской Республики и Удмуртском институте ИЯЛ УрО РАН; основная же часть хранится в соответствующих архивах и хранилищах гг. Москвы, Санкт-Петербурга, Вятки, Казани, Перми.

Между тем удмуртские филологи для полнокровного и целенаправленного включения корпуса ранних письменных памятников на удмуртском языке в научные разработки по всем видам и темам исследований, где их материал необходим, нуждаются в наличии этих документов в научных учреждениях республики. В этих целях руководством Удмуртского государственного университета прорабатывается вопрос о:

1) создании в научной библиотеке УдГУ, в одном из ведущих центров изучения и вузовского преподавания удмуртской филологии, возможно полного фонда рукописных и печатных письменных памятников удмуртского языка XVIII – начала XX века, хранящихся у частных лиц или в соответствующих архивах за пределами Удмуртской Республики, путем приобретения оригиналов или снятия с них копий;

2) продолжении печатного размножения важнейших из рукописей и уникальных раннепечатных памятников удмуртского языка, начатого Институтом языкознания АН СССР [8] и продолженного Удмуртским институтом ИЯЛ УрО РАН [7; 5; 6; и др.], с тем, чтобы этими изданиями могли свободно пользоваться все желающие, кем бы они ни были и где бы они ни находились.

6. Только при использовании предельно полного состава этих документов возможно адекватное решение вопросов, скажем, истории литературного языка или частных проблем, связанных с ним, и, следовательно, составление качественных учебников по ряду дисциплин. Исследование даже такой частной, казалось бы, проблемы, как история удмуртской гра-

фики, требует обзора чуть ли не всех удмуртскоязычных документов на кириллице из более чем 400 памятников дореволюционной письменности (печатных и рукописных) [3: 118–200] и солидного количества послереволюционных, ибо почти каждый из ранних авторов (некоторые – в различных своих публикациях!) и издателей (Б. Гаврилов, Г. Е. Верещагин, В. А. Исленьтьев, И. С. Михеев, И. В. Яковлев, Т. К. Борисов и др.) пользовался своей собственной системой графики, и пропуск в учете какого-либо издания или рукописи способен привести к неточностям и ошибкам в выводах. Об этом в свое время и предупреждал историк русского языка Ф. П. Филин: «История русского литературного языка еще не написана. <...> Написать *полную историю* русского литературною языка означает исследовать по более или менее единой программе язык *всех письменных произведений* (курсив мой. – *В.К.)* от начала письменности на Руси до нашего времени (по крайней мере тех, которые являются типичными для основных тенденций языкового развития, а эту типичность еще предстоит определить), не пропуская ничего важного, существенного, причем на всех уровнях языка» [9: 3].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бубрих, Д.В.* Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком) / Д.В. Бубрих. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1948. – 112 с.

2. *Домокош, П.* История удмуртской литературы / П. Домокош; пер. с венг. В. Васовчик.– Ижевск: Удмуртия, 1993. – 448 с.

3. *Каракулов, Б.И.* Удмурт литературной кыллэн сюресэз: XVIII–XXI даурьёс= История удмуртского литературного языка: XVIII–XXI века / Б.И. Каракулов. – Ижевск: Удмуртия, 2006. – 208 с.

4. *Кельмаков, В.К.* Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка / В.К. Кельмаков // Удмурт, гос. ун-т. – Ижевск: Изд. дом. «Удмурт. ун-т», 2003. – Ч. 1. – 276 с.

5. *Кротов, З.* Удмуртско-русский словарь / З. Кротов / РАН. УрО. Удмурт. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 1995 (= Краткой Вотской словарь съ российскимъ переводомъ, собранный и по Алфавиту расположенный, села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захариею Кротовымъ, 1785 г.) XX + 208 с.

6. *Могилин, М.* Краткой отяцкія грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики / М. Могилин // отв. ред. Л.Е. Кириллова; Слово к чит. – Л.Е. Кириллова; Предисл. – К.И. Куликова; Прил. – Т.И. Тепляшиной. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 203 с. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие). Комм.: с. 121–191; Прил. с. 192–201.

7. Сочиненія принадлежащія къ грамматикѢ вотскаго языка. Въ СанктпетербургѢ при Императорской Академіи наукъ 1775 г. 113 с. // Первая научная грамматика удмуртского языка / Удмурт. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удмурт. АССР. – Ижевск: Удмуртия, 1975. – 3–15+113+17 с.

8. *Тепляшина, Т.И.* Памятники удмуртской письменности XVIII века / Т.И. Тепляшина. – М.: Наука, 1965. – Вып. 1. – 324 с.

9. *Филин, Ф.П.* Истоки и судьбы русского литературного языка / Ф.П. Филин. – М.: Наука, 1981. – 328 с.